

Христианские мотивы в романе М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита»

В романе параллельно существуют две сюжетные линии: первая — рассказ о том, как Москву 1930-х годов посетил сатана со своей свитой, и вторая — история Иешуа Га-Ноцри (так в романе зовут Иисуса Христа) и Понтия Пилата, против своей воли пославшего ни в чем не повинного проповедника и целителя на смерть.

Первую сюжетную линию мы можем с полным правом назвать плодом великого таланта и великолепной фантазии писателя. Что касается второй, то есть истории Иисуса Христа и Понтия Пилата, то она уже на протяжении двух тысяч лет волнует умы человечества. Проследим за тем, как Булгакову удалось воплотить на страницах своего романа этот вечный сюжет.

Иисус из Назарета выведен в романе под именем Иешуа Га-Ноцри. Иногда и теперь еще можно услышать упрек в адрес Булгакова за то, что этот персонаж не назван Иисусом. Думается, этот упрек несправедлив, так как имя «Иисус» является греческой транскрипцией древнееврейского имени «Иешуа». Так что в данном случае автор романа в полной мере следует исторической правде.

Иешуа Га-Ноцри представлен в образе молодого человека, бродячего проповедника, который по доносу Иуды был арестован и приговорен Синедрионом (верховным судом духовной власти) к смертной казни. Но приговор этот должен быть утвержден римским прокуратором, которым в то время являлся Понтий Пилат.

Именно в сцене допроса римским прокуратором появляется впервые на страницах романа Иешуа Га-Ноцри. Отвечая на вопросы Пилата, Иешуа называет его «добрым человеком», что раздражает римского наместника, которого мучают ужасные головные боли. После удара кнутом арестованный начинает называть прокуратора «игемоном», хотя слова «добрый человек» продолжают вертеться у него на языке. Даже наказание не заставляет Иешуа изменить свое мнение о том, что все люди на земле — «добрые люди»: и предавший его Иуда, и только что истязавший его центурион Марк Крысобой.

Допрос продолжается, и мы узнаем о том, что, проповедуя, Иешуа путешествовал из города в город. На вопрос прокуратора, призвал ли арестованный разрушить храм города Ершалаима (так в романе назван Иерусалим), тот отвечает, что никого не подговаривал на эти бессмысленные действия.

Га-Ноцри также с тревогой говорит о том, что люди, которые его слушали, ничему не научились и все перепутали. За ним все время ходит один человек, бывший сборщик податей Левий Матвей, который постоянно пишет. Но однажды Иешуа заглянул в тот пергамент и ужаснулся — ничего из того, что там записано, он не говорил!

У Пилата так ужасно болит голова, что каждое слово арестованного безмерно его раздражает. И когда Иешуа заговаривает об истине, Пилат пытается прервать его... Но вдруг он слышит из уст Га-Ноцри истину, которая мучает его с утра: головная боль его так сильна, что прокуратор даже помышляет о самоубийстве. И через несколько мгновений боль утихает. Пилат потрясен: этот неприметный бродячий философ оказался еще и великим врачом! Но Иешуа утверждает, что он не врач. Кроме того, он с неслыханной для подобной ситуации дерзостью говорит об одиночестве Пилата и том, что тот кажется ему разумным человеком. Эти простые слова арестованного совершают переворот в душе жестокого прокуратора. Он понимает, что Иешуа, кем бы он ни был — пророком или великим целителем — должен быть спасен.

Но вот на стол ложится еще один донос, на этот раз от Иуды из Кириафа. В доносе содержатся сведения о том, что Иешуа Га-Ноцри позволял себе высказывания о том, что любая власть является насилием над людьми и что когда-нибудь не будет ни власти кесаря, ни какой-либо иной власти. А это уже государственное преступление!

Иешуа кротко просит Пилата отпустить его, так как он чувствует, что его хотят убить. В голосе арестованного впервые звучит тревога. Но Пилат оказывается рабом обстоятельств. Он не может рисковать карьерой из-за неразумных слов бродячего проповедника. Восславив так, чтобы все слышали, имя императора Тиберия, прокуратор утверждает смертный приговор.

Итак, каким перед нами предстает на страницах романа Иешуа Га-Ноцри? Безусловно, вопреки евангельской версии, его нельзя назвать здесь «богочеловеком». Он человек из плоти и крови, слабый физически, однако необычайно сильный духовно. А его талант великого целителя почувствовал на себе и прокуратор Иудеи.

Но Иешуа также нельзя назвать и «обычным» человеком. Он человек, но человек великий. И великим он стал благодаря своему безграничному милосердию. Иешуа прощает доносчика Иуду, прощает палачей, прощает и Понтия Пилата, без участия которого смертный приговор не мог быть приведен в исполнение. Лишь перед смертью он обмолвился о том, что трусость является одним из самых больших пороков. И слова эти стали известны прокуратору.

Сам же Пилат не может простить себе своего поступка до конца жизни и даже после смерти — в загробной жизни. Его образ является в романе одним из наиболее глубоких, сложных и противоречивых. Человек, несомненно, смелый и мужественный, к тому же наделенный огромной властью, Понтий Пилат, тем не менее, допускает слабость и даже проявляет трусость, осуждая на смерть человека, в невиновности которого он ни минуты не сомневается.

Но он же — первый из немногих, кто проявляет сочувствие к осужденному Иешуа Га-Ноцри. Более того, согласно версии Булгакова, именно Пилат отдает приказ умертвить на кресте Иешуа, чтобы его мучения не продлились слишком долго. Главного изменить уже нельзя, но прокуратор стремится изменить хотя бы второстепенные обстоятельства.

Именно Пилат приказывает также убить доносчика Иуду и вернуть омытые кровью «проклятые деньги» первосвященнику. В этих действиях прокуратора угадывается желание хоть как-то загладить свою вину, чтобы унять угрызения совести, которые терзают его еще более жестоко, чем даже вылеченная накануне Иешуа непереносимая головная боль.

Пилат пожертвовал жизнью Га-Ноцри ради того, чтобы не погубить свою собственную карьеру. В этом случае он поступил, как «дальновидный политик». Однако Пилат-человек не может простить Пилата-политика, и этот внутренний конфликт является глубоко трагичным.

Во сне, увиденном прокуратором в ту роковую ночь, и в великом множестве снов, которые ему еще предстоит увидеть как на этом, так и на том свете, Пилату больше всего хотелось бы, чтобы эта постыдная казнь не состоялась. Прокуратор видит перед собой лицо Иешуа, который идет рядом с ним по лунной дороге, и спрашивает его: «Скажи, ведь казни не было?!» — «Конечно, не было», — отвечает Га-Ноцри и почему-то прячет улыбку.

Именно влияние Иешуа позволило могущественному прокуратору отбросить прочь сословные предрассудки и беседовать на равных с учеником Иешуа, бывшим сборщиком налогов Левием Матвеем (под этим именем выведен в романе один из апостолов, евангелист Матфей).

Левий Матвей не боится всесильного римского наместника. Напротив, именно Пилат робеет в разговоре с ним. После того, что Левий Матвей пережил на Лысой Горе во время казни Иешуа и после нее, ему уже нечего бояться в этой жизни.

Левий — единственный ученик Га-Ноцри, описанный в романе. До того, как отправиться странствовать с бродячим философом, он был сборщиком налогов — представителем наиболее презираемой в то время профессии. Речи Иешуа произвели на него такое глубокое впечатление, что он бросил собранные деньги на дорогу, — случай, в реальность которого не мог поверить во время допроса Га-Ноцри Понтий Пилат.

Следуя за своим учителем, Левий Матвей начал писать первое в мире Евангелие. Но, как мы уже знаем, сам Иешуа был чрезвычайно недоволен и даже испуган тем, что прочитал в записях своего ученика. И дело, по-видимому, не в том, что Левий сознательно искажал смысл слов учителя. Слова-то он, скорее всего, старался передать верно, но сокровенный смысл речей Иешуа от него ускользал. Это, кстати, понял и Понтий Пилат, который упрекнул Левия за то, что тот излишне жесток по отношению к нему: «Ты не усвоил ничего из того, чему он тебя учил».

Левий Матвей — второй персонаж романа, который хочет спасти Иешуа Га-Ноцри. Для этой цели он крадет в хлебной лавке острый нож и со всех ног спешит к Лысой Горе, чтобы успеть до начала казни и ценой собственной жизни вырвать из рук палачей своего учителя. Но он опоздал: казнь уже началась.

Потрясенный Левий Матвей вплоть до смерти Иешуа пребывает под палящим солнцем неподалеку от места казни. Он молит Бога лишь об одном: «Пошли ему смерть!» Но Бог глух к его молитвам, и тогда Левий проклинает самого Бога.

Затем, когда, согласно тайному распоряжению Пилата, приговоренные умерщвлены копьем палача и стража покидает Лысую Гору, почти обезумевший от отчаянья Левий Матвей снимает с креста тело Иешуа, для того чтобы самому похоронить его, согласно обычаю.

Во время разговора с Понтием Пилатом Левий Матвей не скрывает своего намерения убить Иуду. Однако сам прокуратор Иудеи уже опередил его в этом.

Позже мы еще раз встречаемся на страницах романа с Левием Матвеем. Он появляется в качестве посланца Иешуа на Воробьевых горах и просит Воланда, чтобы тот взял с собой Мастера и Маргариту, даровав им покой. Левий Матвей все такой же — мрачный и сердитый, на лице его, кажется, никогда не появляется улыбка. И князь тьмы не скрывает своего презрительного отношения к этому посланцу сил Света. В отличие от своего учителя, Левий Матвей так и не научился улыбаться.

Иуда из Кириафа (в канонических текстах — Иуда Искариот) является в романе непосредственным виновником гибели Иешуа Га-Ноцри. Именно его донос склонил «весы правосудия» в сторону казни. Изобразив интерес к учению Иешуа, он позвал его к себе в гости, где и спровоцировал философа на разговор о несовершенстве всякой власти.

Интересно, что Понтий Пилат, никогда не видевший Иуды, поначалу представляет себе его в облике жадного старика, вроде пушкинского скупого рыцаря или гоголевского Плюшкина. По-видимому, в голове прокуратора, который многое повидал на своем веку, не укладывается, как молодой и внешне привлекательный человек мог решиться на гнусное предательство исключительно ради денег.

Начальник тайной службы Афраний убеждает прокуратора в обратном: Иуда молод, но у него действительно есть одна страсть — страсть к деньгам. Впрочем, Афраний умолчал о другой тайной страсти Иуды — он влюблен в красавицу Низу. Первая страсть привела этого человека к преступлению, а вторая — к гибели. Именно с помощью Низы Афраний выманивает Иуду из города, а затем вместе с помощниками убивает его.

Итак, в романе Булгакова Иуда вовсе не является учеником Иешуа. Но становится ли от этого его преступление менее отвратительным? Думается, что нет.

Во времена, когда писался роман «Мастер и Маргарита», то есть в 1930-е годы, практика доноса, к сожалению, стала составной частью жизни страны. Писались доносы на соседей, на коллег по работе, на руководителей, на случайных знакомых... Одного такого доноса бывало достаточно, чтобы отправить жертву в «места не столь отдаленные», а часто и обречь на смерть. Да и сам Булгаков знал, что такое стать жертвой доноса, отнюдь не понаслышке. Сам он от современных ему иуд натерпелся немало.

Поэтому не случайно появление в «московских» главах романа таких персонажей, как Алоизий Могарыч, по доносу которого был арестован Мастер; барон Майгель, который, служа осведомителем, имел неосторожность начать слежку за самим Воландом.

Эти действующие лица, несомненно, являются наследниками и продолжателями недоброй традиции Иуды из Кириафа. Да и такие эпизодические персонажи, как Аннушка или сосед Никанора Босого Тимофей Квасцов, также вызывают в памяти образ Иуды.

Несомненно, следует также отметить и место, в котором разворачивается действие «библейских» глав романа. Город Ершалаим, прообразом которого, конечно же, явился Иерусалим начала нашей эры, загадочен, мрачен и зловещ. Людская толпа ликует по поводу праздника Пасхи, но никто, кроме двоих людей (Левия Матвея и Понтия Пилата), не сопереживает судьбе Иешуа Га-Ноцри, невинно казнимого вместе с преступниками. Жители Ершалаима еще слепы.

Образ Ершалаима сопоставим с образом Москвы тридцатых годов. И тот и другой город — мегаполис своей эпохи, «людское море». Не случайно Воланд устраивает представление, чтобы посмотреть на москвичей «в массе», как, по-видимому, смотрел когда-то на жителей Ершалаима.

Да, все так же мелькают в толпе лица палачей, шпииков, прокураторов, не знающих жалости и угрызений совести. Но в то же время московская публика все-таки просит пощадить надоедливую конферансье Бенгальского, которому только что (кстати, по приговору той же публики) Бегемот с Коровьевым оторвали голову. «Люди как люди, — признает Воланд, — и милосердие иногда стучится в их сердца...» А если так, то луч надежды все-таки не погас.

Безусловно, текст романа Булгакова весьма сильно отличается от канонического евангельского повествования. Образам Иисуса, Матфея, Пилата, Иуды приданы многие новые черты. Но, думается, великая идея христианства от этого не пострадала, а даже обогатилась, ибо великий художник имеет право на свою трактовку вечного сюжета.

Великий основополагающий принцип христианства — милосердие — пронизывает оба таких, казалось бы, разнородных сюжетных пласта романа. Мастер обрел покой, прощен Пилат. Все возвращается на круги своя. И каждому будет дано по вере его.